

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ В 1927–1949 гг.

Жэнь Сюэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
2533206821@qq.com*

В статье рассматриваются особенности и результаты воздействия идей конфуцианства на внешнюю политику Китая в 1927–1949 гг. Выявлена сущность и особенности внешней политики Китая в условиях сохранения внутреннего конфликта и экспансии со стороны Японии в 1931–1945 гг. в контексте китайских исторических традиций и идеологии. Установлено, что в рассматриваемый период конфуцианство не играло значительной роли во внутренней и внешней политике Китая, но в качестве элемента традиционной китайской культуры воздействовало на поведение китайцев в отношении внешнего мира. Оно способствовало формированию патриотических чувств у китайского народа, акцентированию внимания на китайских проблемах, стремлению китайских политиков к самостоятельным действиям, использованию морального компонента в практической политике и дипломатии Китая. Из основных противоборствующих сил внутри Китая – партии Гоминьдан и Коммунистической партии Китая – в большей мере к использованию конфуцианских идей были склонны сторонники партии Гоминьдан, но некоторые конфуцианские догматы в условиях борьбы с японской агрессией использовались и китайскими коммунистами.

Ключевые слова: Китай; Гоминьдан; Коммунистическая партия Китая; конфуцианство; внешняя политика; японо-китайская война 1937–1945 гг.; внутренние конфликты в Китае.

THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON CHINA'S FOREIGN POLICY IN 1927–1949

Ren Xue

*Belarusian State University,
4 Nizaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
2533206821@qq.com*

The article examines the features and results of the impact of Confucian ideas on China's foreign policy in 1927–1949. The article reveals the essence and features of China's foreign policy in the context of the persistence of internal conflict and expansion by Japan in 1931–1945 in the context of Chinese historical traditions and ideology. It has been established that during the period under review, Confucianism did not play a significant role in China's domestic and foreign policy, but as an element of traditional Chinese culture influenced the behavior of Chinese people in relation to the outside world. It contributed to the formation of patriotic feelings among the Chinese people, the focus on Chinese problems, the desire of Chinese politicians to act independently, and the use of a moral component in China's practical politics and diplomacy. Of the main opposing forces within China, the Kuomintang Party and the Chinese Communist Party, supporters of the Kuomintang Party were more inclined to use Confucian ideas, but some Confucian dogmas were also used by the Chinese Communists in the fight against Japanese aggression.

Keywords: China; Kuomintang; Communist Party of China; Confucianism; foreign policy; Sino-Japanese War of 1937–1945; internal conflicts in China.

Цель статьи заключается в оценке сущности и особенностей осуществления китайской внешней политики в условиях политической трансформации Китая в 1927–1949 гг. и борьбы с японской агрессией в 1931–1945 гг.

Политические и военные успехи партии Гоминьдан, достигнутые в 1927 г., укрепили ее позиции на международной арене. В 1928 г. правительство Гоминьдана было признано США, после чего последовала полоса призна-

ний со стороны европейских государств (Великобритании, Франции, Германии, Италии, Швеции, Бельгии, Дании, Испании, Нидерландов, Португалии, Греции, Норвегии). В конце 1920-х гг. Китай пересмотрел неравноправные договоры с Испанией, Португалией, Италией, Данией, в 1928 г. от права экстерриториальности в Китае отказались Бельгия, Италия, Дания, Португалия, Испания [1, с. 262, 267].

Несмотря на усиление позиций Гоминьдана, Китай в конце 1920-х – 1930-х гг. испытывал большие трудности. Внутри страны обострилась борьба между Гоминьданом и коммунистами. Внешние проблемы были связаны с политикой Японии, которая усилила политическое и военное давление на Китай. В начале 1930-х гг. японцы отторгли от Китая Маньчжурию, создав марионеточное правительство Маньчжоу-Го (главой этого государства стал последний цинский император Пу И). В 1933 г. Япония усилила давление на Китай и 7 июля 1937 г. начала широкомасштабную войну против него, которая продолжалась до сентября 1945 г.

Лидер Гоминьдана Чан Кайши пытался добиться сплочения Китая с помощью конфуцианских постулатов преданности (чжун, 忠) и сыновней почтительности (сяо, 孝). В документе «Цели образования и принципы их реализации», принятом китайским национальным правительством в 1929 г., указывалось, что основу нравственного воспитания граждан должны составить «преданность, сыновняя почтительность, гуманность, любовь, верность, справедливость и гармония» (чжун-сяо-жэнь-ай-синь-и-хэпин, 忠孝仁爱信义和平) [2].

В 1934 г. на территории, подконтрольной национальному китайскому правительству, возникло «движение за новую жизнь», ориентированное на пропаганду здорового образа жизни, «нравственного поведения» и патриотизма. Традиционные моральные принципы были дополнены нормами морали современного общества [2]. В 1935 г.

V съезд Гоминьдана принял 12 правил поведения, которые в значительной мере выстраивались на принципах «верности ритуалам, справедливости, честности и стыдливости» (ли-и-лянь-чи, 礼义廉耻) [3, с. 101].

Весной 1943 г. Чан Кайши опубликовал книгу «Судьба Китая», где активно пропагандировал необходимость сохранения китайских традиций, защиты старой китайской этики и морали, а также развития традиционной духовной культуры Китая [2]. Как отмечали российские исследователи Ю. С. Мыльникова и Д. Е. Мартынов, Чан Кайши выступал за приведение конфуцианской морали в соответствие с духом нового времени, рассматривая восстановление порядков старого времени в качестве залога успеха при возрождении и дальнейшем развитии Китая [4, с. 75; 5]. Также он стремился к очищению идеологии Сун Ятсена от зарубежных заимствований в пользу традиционной конфуцианской доктрины «Великого Единения» (Да Тун) [5].

По мнению российских и китайских исследователей, деятельность Чан Кайши по реставрации традиционного конфуцианства в Китае была направлена на укрепление его авторитарного правления [2; 4, с. 75; 5; 6, с. 14].

Будучи приверженцем норм конфуцианской этики, Чан Кайши пытался перенести их и на сферу международных отношений [7, с. 196]. В 1931 г. он выдвинул план защиты Китая от японской агрессии, в основу которого были положены действия по установлению порядка внутри страны и привлечению симпатий внешних сил [3, с. 89–90]. План предполагал пассивное сопротивление японской агрессии [3, с. 93]. Этой тактики национальное китайское правительство придерживалось и в условиях полномасштабной войны с Японией, начавшейся в 1937 г. По мнению российского исследователя Ю. Галеновича, Чан Кайши пытался доказать Японии необходимость поддержания не враждебных, а дружественных отношений, основанных на равноправии [3, с. 98]. В 1935 г. он призывал Японию

к родственному сотрудничеству ради сохранения мира в Восточной Азии [3, с. 100]. Однако эти призывы не принесли желаемого результата.

В 1930-х гг. лидер Гоминьдана в 1930-х гг. неоднократно обращался к Лиге Наций, странам – участникам Пакта о ненападении и участникам Конференции девяти держав с призывом встать на защиту международной справедливости [7, с. 196]. Однако международные структуры не смогли оказать воздействие на японцев (попытки Лиги Наций подключиться к урегулированию конфликта в Маньчжурии привели лишь к выходу Японии из этой организации в 1933 г.).

Отказ от соблюдения нравственных принципов в политике произвел тяжелое впечатление на Чан Кайши. 27 августа 1939 г. он сделал запись в своем дневнике, в которой посетовал, что «международная мораль уничтожена, а враги и друзья непредсказуемы» [7, с. 196].

Помимо войны с Японией Чан Кайши добивался пересмотра неравноправных договоров с зарубежными государствами. В книге «Судьба Китая» он характеризовал их как основу всех бед Китая, разрушившую гармонию в китайском обществе [4, с. 71]. Вред неравноправных договоров, с точки зрения лидера Гоминьдана, заключался и в том, что они усилили в китайском обществе стремление к чужим ценностям и привели к забвению исконных китайских добродетелей [4, с. 72].

Чан Кайши призывал всех китайцев развивать дух стярания и опоры на собственные силы. Также он утверждал, что политическое устройство освобожденного Китая «не будет скопировано с демократических теорий индивидуализма и классового сознания XIX века Европы и США» [4, с. 72]. Неприемлемым для Китая он считал и марксистко-ленинское учение, хотя в 1932 г. санкционировал восстановление дипломатических отношений с СССР, а в 1937 г. по политическим соображениям пошел на военное и политические сближение с этой страной.

Основные политические конкуренты Гоминьдана в Китае – коммунисты – также не отрицали влияния Конфуция на формирование китайской идентичности. Руководитель Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзэдун очень хорошо знал конфуцианские произведения и нередко цитировал их [8, с. 57]. В октябре 1938 г. он отметил: «Современный Китай есть продукт прошлого развития Китая. Мы – сторонники марксистского подхода к истории, мы не можем отмахиваться от нашего исторического прошлого. Мы должны обобщить все наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена – и принять это ценное наследие... Коммунисты являются сторонниками интернационального учения – марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму» [9, с. 265]. В июне 1944 г. Мао Цзэдун заявил, что «для руководства Китаем не обязательно знание марксизма-ленинизма. Главное – знание Китая, его нужд, обычаев» [8, с. 299].

Вместе с тем, руководитель КПК не призывал к восстановлению конфуцианских канонов. В статье «О новой демократии», написанной в январе 1940 г., он подчеркнул, что новая культура Китая должна быть антиимпериалистической и антифеодальной, выражавшей интересы широких народных масс [9, с. 472]. В этой же статье он назвал Конфуция представителем полуфеодальной культуры [9, с. 468].

Двойственность в отношении конфуцианства предопределяла двойственность политики руководства КПК. Мао Цзэдун уделял большое внимание духовному воспитанию людей. В 1937 г. он заметил: «Оружие является важным, но не решающим фактором войны. Решающий фактор – человек, а не вещь. Соотношение сил определяется не только соотношением военной и экономической мощи, но также соотношением людских ресурсов и морального состояния» [9, с. 178]. Однако он отрицал абстрактный гуманизм, подчеркивая, что в условиях войны с Японией «гуманная» по-

литика будет «гуманной» только в отношении японских империалистов [10, с. 145]. Руководитель КПК призывал сочетать борьбу за независимость с борьбой против китайских феодалов и реакционеров [9, с. 22; 277, 453; 10, с. 293; 11, с. 203–204; 232–233; 248–252; 12, с. 506].

В отличие от Чан Кайши Мао Цзэдун на рассматривал поддержку из-за рубежа в качестве решающего фактора победы Китая в войне с японцами. Он призывал китайцев рассчитывать прежде всего на собственные силы и готовиться к долгой партизанской войне, сориентированной на постепенный подрыв боеспособности японских войск [9, с. 145]. Лидер КПК утверждал, что война против Японии является справедливой, поэтому Китай может рассчитывать на рост поддержки международного сообщества и на победу над японцами, несмотря на временные трудности, связанные с отсталостью китайского государства и слабостью его армии [9, с. 179, 338].

Рассматривая борьбу с японцами как безусловный приоритет внешней политики Китая, китайские коммунисты выступали против «глобальной» внешней политики. В сентябре 1939 г. Мао Цзэдун заявил, что Китай не должен присоединяться ни к одной из воюющей сторон в начавшейся европейской войне [9, с. 355]. Лишь 23 июня 1941 г. ЦК КПК принял решение об объединении со странами, которые ведут борьбу против фашизма [10, с. 32].

В апреле 1945 г. VII Всекитайский съезд КПК приветствовал отказ западных стран от неравноправных договоров, но указал, что подлинное равноправие не может быть просто получено из рук иностранных правительств, а должно быть завоевано прежде всего усилиями китайского народа [10, с. 333].

Руководствуясь чувством патриотизма, сторонники Гоминьдана и коммунисты все же пошли на сближение после 1937 г. В 1939 г. КПК поддержала программу всеобщей мобилизации национального духа и мер по ее осуществлению, разработанную Высшим советом национальной обо-

роны Китайской Республики. В этой программе в качестве моральной основы национального спасения предлагалось принять «восемь добродетелей», включая «верность стране и сыновнюю преданность нации» [4].

Сближение на патриотической основе, сформированной в числе прочего, конфуцианскими канонами, способствовало успехам в борьбе китайского народа против японской агрессии и росту авторитета Китая на международной арене. В октябре 1942 г. Великобритания и США объявили об аннулировании неравноправных договоров с Китаем и в январе 1943 г. подписали новые договоры с ним, сделав упор на равноправие и равенство сторон [3, с. 123–124]. В ноябре 1943 г. Чан Кайши был приглашен на международную конференцию в Каире, где обсуждались вопросы послевоенного мироустройства (на встрече в Каире США и Великобритания пообещали вернуть в состав китайского государства северо-восточные провинции, Тайвань и Пэнху (Пескадорские острова)) [3, с. 125]. В 1944 г. китайские дипломаты принимали участие в обсуждении вопросов создания международной организации по поддержанию мира [3, с. 126]. Весной 1945 г. китайская делегация, в состав которой вошли представители Гоминьдана и КПК, участвовала в международной конференции в Сан-Франциско, где была учреждена ООН [10, с. 332]. При этом Китай получил статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. 2 сентября 1945 г. представитель Китайской Республики принял участие в церемонии подписания Акта о капитуляции Японии на борту линкора «Миссури», 9 сентября 1945 г. процедура капитуляции Японии перед Китаем была продублирована в Нанкине [3, с. 130].

Однако примирение между Гоминьданом и КПК было недолгим. После победы над японцами политические разногласия в Китае усилились. В 1946 г. в стране началась гражданская война, которая в 1949 г. завершилась победой КПК и провозглашением КНР.

В целом период с 1927 по 1949 гг. стал временем масштабных внутренних и внешних потрясений в Китае. В рассматриваемый период конфуцианство не играло значительной роли во внутренней и внешней политике Китая, но в качестве элемента традиционной китайской культуры воздействовало на поведение китайцев в отношении внешнего мира. В частности, оно способствовало формированию патриотических чувств у китайского народа, акцентированию внимания на китайских проблемах, стремлению китайских политиков к самостоятельным действиям, использованию морального компонента в практической политике и дипломатии Китая.

Библиографический список

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. Т. VII : Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева. – М. : Наука – Вост. лит., 2013. – 863 с.
2. 陈来. 现代中国文化与儒学的困境 // 爱思想. = Чэнь Лай. Дilemma современной китайской культуры и конфуцианства / Чэнь Лай // 爱思想= Идея любви. – 30.07.2008. – URL: <https://wwwaisixiang.com/data/19544.html> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Галенович, Ю. М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши / Ю. М. Галенович. – М. : Муравей, 2000. – 368 с.
4. Мыльникова, Ю. С. Осмысление исторического пути и будущее страны в книге Чан Кайши «Судьба Китая» / Ю. С. Мыльникова // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. – 2009. – № 2. – С. 69–76. – URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/1569> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Мартынов, Д. Е. Сунь Ятсен и Чан Кайши о древнекитайском идеале Великого Единения / Д. Е. Мартынов // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 4. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17309387> (дата обращения: 25.04.2025).
6. 吕明灼. 儒学与民国政治 // 文史哲. = Люй Минчжо. Конфуцианство и политика в Китае / Люй Минчжо // Вопросы истории и философии. – 1995. – № 3. – С. 9–18.
7. 戴鸿超. 蒋介石战时外交：谈判策略与内外互动 / 戴鸿超 // 民国人物与民国政治. 社会科学文献出版社. = Дай ХунчАО. Военная дипломатия Чан Кайши: стратегии переговоров и внутреннее и внешнее

взаимодействие / Дай ХунчАО // Люди и политика Китайской Республики. – Пекин : Изд-во обществ. наук, 2009. – С. 194–211.

8. Владимиров, П. П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. / П. П. Владимиров. – М. : Изд-во АПН, 1973. – 656 с.

9. Мао Цзэдун. Избранные произведения : в 5 т. Т. II / Мао Цзэдун: пер. с кит. – Пекин : Изд-во литературы на иностр. языках, 1969. – 609 с.

10. Мао Цзэдун. Избранные произведения : в 5 т. Т. III / Мао Цзэдун : пер. с кит. – Пекин : Изд-во литературы на иностр. языках, 1969. – 377 с.

11. Мао Цзэдун. Избранные произведения : в 5 т. Т. I / Мао Цзэдун: пер. с кит. – Пекин : Изд-во литературы на иностр. языках, 1969. – 450 с.